

УДК 159.9.01

DOI 10.21661/r-113758

E.E. Вознякевич

ВОЗМОЖНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПСИХОЛОГИИ НАУКИ

Аннотация: в статье изложены результаты анализа подходов к вопросу о связи психологических особенностей ученого и его оценок используемых им самим и его коллегами познавательных практик. На основании сравнения подходов исследователей в области психологии и социологии науки сделан вывод об относительной независимости этих переменных.

Ключевые слова: познавательные практики, психология науки, когнитивные особенности ученого.

E.E. Voznyakevich

Abstract: the article presents the results of the analysis of approaches to the question of the relationship of psychological features of the scientist and his ratings of cognitive practices. A comparison of the approaches of researchers in psychology and sociology of science lead to conclusion that these variables are independent.

Keywords: educational practice, psychology science, cognitive features of scientist.

Существует несколько различных подходов к интерпретации предмета психологии науки. Одним из конвенционально признанных является подход Фейста, утверждавшего, что главной задачей данной отрасли психологического знания является понимание и объяснение индивидуальных особенностей ученого. Тем не менее, вопрос о том, является ли индивидуальность исследователя значимым фактором для выявления характера его деятельности именно как ученого остается спорным. Действительно, логицистски подход в философии науки, реализуемый в рамках неопозитивистского направления, предполагает, что исследова-

тельская деятельность является довольно жестко алгоритмизированной. Собственно говоря, выдвигалась гипотеза о том, что все когнитивные процессы в науке должны описываться исключительно средствами формальной и пропозициональной логики. Собственно установка позитивизма предполагала, что субъект, со всеми его особенностями, как психического и социального, так и культурного и ценностного генеза, должен быть исключен из процесса порождения научного знания. По мнению представителей данного направления, основным назначением методологии как раз и должна быть элиминация всего субъективного. В идеале, исследователь должен был превратиться в, своего рода, автомат по производству нового знания, будучи вооруженным соответствующими алгоритмами.

Еще более радикальную позицию занимают сторонники социологизаторского подхода, предполагающие, что ученый в идеале должен представлять собой элемент исправно работающего механизма по производству достоверного знания о мире в целях технологизации всех сторон человеческой жизни. Обе эти точки зрения, со всей очевидностью, являются продуктами развития новоевропейского рационализма. Последнему противостоит иррационализм как модернистская тенденция, в рамках которой авторы склонны объявлять процесс производства знания таинственным делом единичных гениев, механизмы работы которых не поддаются полной экспликации. Собственно, исследования феномена гениальности, впервые тематизированного именно в рамках иррационализма, в дальнейшем занимались не столько сторонники данного подхода, сколько, как раз, рационалистически настроенные исследователи. Здесь мы можем увидеть два принципиально разных подхода. Первый из них предполагает, что существенные процессы порождения знания происходят бессознательно, соответственно основной интерес при исследовании индивидуальных особенностей ученого, желательно, гения, лежит в области его бессознательного. Множество методик стремящихся к выявлению элементов, созданию протомоделей бессознательного исследователя дали относительно небольшие результаты [4]. Тем не менее, здесь был накоплен огромный эмпирический материал, позволяющий во

многом создать вполне репрезентативную выборку для исследования процесса порождения знания в иррационалистическом ключе.

Второе направление скорее шло путем исследования возможностей обеспечения наиболее благоприятных условий для проявления гениальности и, шире, творческих способностей исследователя. Как отмечает Юревич А.М. в написанной им главе учебного пособия «Психология науки»: «Само же творческое мышление мало соблюдает правила логики и именно поэтому является творческим, порождает новое знание» [2, с. 32]. Соответственно, необходимо выявить те средства, которые позволили бы управлять творческими способностями исследователей, увеличивая продуктивность их работы.

Л. Флек обращается к этим двум крайним версиям образа научного знания, предполагая, что существует и третий путь. С его точки зрения наука не может быть описана как отношения индивидуального субъекта к объекту познания. Собственно наука возникает только там, где есть процесс коммуникации, присутствует разделение труда, взаимный обмен идеями. Процесс научного познания всегда представляет собой «результат социальной активности» [2, с. 64]. Субъектом научного знания является, по его мнению, мыслительный коллектив, как сообщество людей, находящихся в состоянии интеллектуальной коммуникации, в рамках определённой сферы мышления, уровня знания, культуры и обладающий своими особыми правилами поведения. Наука, взятая как специфическая форма научного знания, зависит от того, каков стиль мышления, выработанный этим коллективным субъектом. «Для него характерны общие проблемы, которыми занимается коллектив, общие суждения, принимаемые им за очевидные, общий метод, используемый как познавательное средство» [2, с. 121]. Процесс развития научного знания реализуется в соответствие с этим стилем мышления, выполняющим функцию нормализации знания, поскольку «стиль мышления – это не только различия в смысловых нюансах понятий или определенный способ их взаимосвязи. Это определенные границы мышления; это общая готовность интеллекта видеть и действовать так, а не иначе» [2; с. 88–89]. В этом смысле, мыслительный коллектив вырабатывает стиль мышления не на основании какой

бы то ни было конвенции, разделяемой некоторыми индивидуальными субъектами, и на основании этого действующими во имя общей цели. Стиль мышления существует как, своего рода, граница нормального мышления, за пределами которых обнаруживаются концепции, которые представляются не соответствующими норме.

Предположение о том, что наука является не только знанием высказывает и Р. Богуслав (или Богуслоу). Он подчеркивает именно коллективный характер научной деятельности. При этом коллектив не состоит из индивидов, выполняющих одну и ту же деятельность. В любом исследовании всегда существует разделение труда. И даже если допустить, что институциональные цели науки являются универсальными, то цель каждого из членов сообщества будет различаться, так же как и та деятельность, которую он реализует, принимая ее как научную. Соответственно не может быть единых норм, для всех участников научного коллектива: исследователь, администратор, технический специалист, каждый из них занят производством научного знания, но каждый выполняет свои функции. На этом основании Богуслав оценивает мертоновскую модель как мифологическую [3, с. 52]. Не менее мифологической, с его точки зрения, выглядит и идея научного сообщества. Субъектом научной деятельности являются некоторые коллективы исследователей, которые Богуслав делит на формальные и неформальные. Но, далеко не все эти коллективы вообще можно назвать научными сообществами, поскольку многие, особенно формальные коллективы, существующие как организации, представляют собой лишь совокупность ученых, которые занимаются своим делом в одной точке пространства, не будучи связаны между собой ни предметной областью, ни методологией, ни даже общим для них образом науки. В этом смысле разделение труда при производстве научного знания обуславливает сосуществование различных представлений о науке, каждое из которых может быть обосновано со ссылкой на реальную научную практику. Этот хаос возможных подходов к исследованию науки Богуслав организует посредством введения различия двух типов рассмотрения науки, которые он обозна-

чает как выбор институциональный и личностный. Первый тип подходов предполагает учет последствий полученного знания, оценку результатов исследований как правильных и неправильных. Второй тип подходов предполагает, что полученное знание рассматривается как нейтральное и не зависящее от способов его дальнейшего использования, но подлежащее коллегиальной оценке. В предельном виде этот выбор выглядит как два крайних варианта: либо уйти из глобального сообщества ученых и замкнуться в рамках собственного исследовательского коллектива, либо уйти от идентификации себя в качестве ученого [3, с. 61]. В менее жестком варианте выделяется ряд социальных ролей, которые могут оказаться приемлемым компромиссом между различными системами норм: консультант, исследователь, администратор. Все эти роли являются элементами организационной структуры науки, в которой каждая из этих ролей по-разному решает конфликт этических требований, предлагая вариации соотношения конформности и девиантности. Динамическое равновесие этих форм поведения определяется стремлением к эффективности действия организации при сохранении для нее значимости институциональных целей. По сути дела, Богуслав в своей концепции предлагает подход, который позволяет объяснить не мифологическую науку, в которой все производимые знания подлежат строгой оценке в соответствии с единой системой норм и ценностей, а реальное знание, признаваемое в качестве научного, то есть содержащегося в статьях, публикуемых в научных журналах, в докладах на научных конференциях, подтвержденное патентами и т. д. При этом многие из казалось бы вполне обоснованных концепций могут оставаться вне поля внимания, многие разработки никогда не найдут своего воплощения, многие способы получения и подтверждения знания, а так же воплощения его в технологиях, могут быть рассмотрены как неэтичные, но тем не менее они существуют как наука, меняют направление ее развития.

М. Полани защищая автономию ученых, разрабатывает концепцию Республики ученых, стремясь показать, что способ существования научного сообщества влияет на качество получаемого ими знания.

Требуя сохранения научного сообщества, Полани утверждает, что это необходимо для того, чтобы наука сохраняла свою способность производить общественно полезное знание. «Признак подлинного открытия – это не его полезность, а предвосхищение этой полезности.» [1, с. 214]. В этом смысле, Полани не сомневается в том, что научное знание имеет свою ценность вне себя самого, оно может и должно быть использовано обществом для достижения своих целей, но, указывает он, навязывание самой науке внешних для нее целей является для нее губительным. Для аргументации этот тезиса, Полани вынужден обратиться к исследованию самого научного знания, и того, как связано само знание, эпистемологические характеристики которого и делают его полезным, с тем, кто его производит.

Поясняя свой парадокс Полани вводит принцип спонтанной координации индивидуальных инициатив(principle of spontaneous coordination of independent initiatives) [5, р. 49], смысл которого состоит в предположении о существовании некоторого динамического порядка, где независящие друг от друга индивиды, имеющие схожие цели, координируют свои действия друг с другом. Этот принцип может быть применен для описания сотрудничества в различных типах сообществ. Научное сообщество отличается от других тем, что критерии оценки деятельности членов республики ученых задает «научная власть», требующая, с одной стороны, оригинальности, а с другой – конформности по отношению к доминирующим в науке традициям. Последнее важно для отсева неправдоподобных или недопустимых утверждений. Собственно вторая функция «научной власти» заставляет Полани разрабатывать концепцию личностного знания. А для этого ему приходится определить науку как систему убеждений. «Наука есть система убеждений, к которой мы приобщены. Такую систему нельзя объяснить ни на основе опыта (как нечто видимое из другой системы), ни на основе чуждого какому-либо опыту разума. Однако это не означает, что мы свободны принять или не принять эту систему; это просто отражает тот факт, что наука есть система убеждений, к которой мы приобщены и которая поэтому не может быть пред-

ставлена в иных терминах» [1, с. 246]. Тем не менее, наука как система убеждений отличается от устойчивых верований присутствием в их составе компонента, который Полани обозначает как личностное знание. Полани указывает на невозможность достичь убежденности оппонентов исключительно путем доказательства. «Две конфликтующие системы мысли отделены одна от другой логическим разрывом в том же смысле, в каком проблема отделена от разрешающего ее открытия. Формальные операции, основанные на одной интерпретирующей схеме, не могут доказать какого-либо утверждения тому, кто исходит из другой схемы» [1, с. 219]. В столкновение приходят не сами идеи, а интеллектуальные страсти, когда «каждая сторона неизбежно будет подвергать нападкам личность оппонента». Такие столкновения, отмечает Полани, часто могут принимать форму конфликта «между конкурирующими способами научного видения или же между научными ценностями и внеучвенными интересами» [1, с. 220]. Источником этой страсти и является личностное знание, которое проявляется в личной убежденности. Исследование определяется стремлением к достижению этой личной убежденности, которая является личным делом каждого. Любые попытки контролировать такую деятельность из вне обречены на провал, поскольку «внешний наблюдатель не может сопоставить знание истины другим лицом с истиной самой по себе. Он может сопоставлять лишь знание истины наблюдаемым лицом со своим собственным знанием о ней. Согласно логике самоотдачи, истина есть нечто, о чем можно мыслить, только будучи в этом убежденным» [1; с. 308]. Личная убежденность транслируется другим участникам деятельности, которые выступают как потенциальные помощники для решения проблемы. Полученный же результат является непреднамеренным для любого участника процесса («Such self-co-ordination of independent initiatives leads to a joint result which is unpremeditated by any of those who bring it about») [5, p. 51]. Тогда любая попытка вменить некоторую убежденность другим, опираясь на внешний авторитет, а не стремясь к координации, ведет к снижению личной эффективности каждого ученого. Соответственно, любое давление на тех, кто вовлечен в производство научного знания, будет снижать качество этого знания, а

значит делать это знание менее полезным. Поэтому, настаивает Полани, следует сохранять автономность исследователя. Таким образом, стремясь доказать необходимость автономии исследователя, Полани вынужден рассматривать научное знание в психологическом контексте, утверждая, что качество знания как общественно полезного продукта может ухудшиться из-за унификации условий функционирования исследователя. Он полагает, что «все фундаментальные убеждения столь же неопровергимы, сколь и недоказуемы. Проверка на доказанность или недоказанность фактически не релевантна для признания или отвержения фундаментальных убеждений» [1, с. 283]. Поэтому необходима личная убежденность, которая координируется с убеждениями других исследователей, что позволяет рассматривать исследователя как уникальное единство всех его социальных и индивидуальных свойств.

Таким образом, распределение социальных статусов внутри научного сообщества отражает не всегда осознанные самими исследователями оценки тех или иных применяемых ими и их коллегами познавательных практик. Важно отметить, что все авторы, чьи подходы были рассмотрены в настоящей статье, указывают, на важное обстоятельство: оценки ученых могут и, более того, должны отличаться от тех представлений об эпистемологическом статусе познавательных практик, которые разделяются представителями данной культуры в целом.

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 16–13–40003 а(р).

Список литературы

1. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М.: Прогресс, 1985. – С. 214.
2. Психология науки: Учебное пособие / А.Г. Аллахвердян, Г.Ю. Мошкова, А.В. Юревич, М.Г. Ярошевский. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. – С. 32.
3. Boguslaw R. Values in the research society // The Research Society / Ed. by E. Glatt, M.W. Shelly. – New York: Gordon and Breach, 1968. – P. 52.

4. Kaufman J.C. The construct of creativity: Structural model for self-reported creativity ratings / J.C. Kaufman, J.C. Cole, J. Baer // Journal of Creative Behavior. – №43. – 2009. – P. 119–134.

5. Polanyi M. The Republic of Science: Its Political and Economic Theory // Knowing and Being. – Chicago, 1962. – P. 49.

Вознякевич Екатерина Евгеньевна – канд. филос. наук, доцент Обнинского института атомной энергетики (филиала) ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Россия, Обнинск.

Voznyakevich Ekaterina Evgenyevna – candidate of philosophical sciences, assistant professor of Obninsk Institute of Nuclear Energetics (branch) of FSAEI of HE “National Research Nuclear University “Moscow Engineering and Physics Institute”, Russia, Obninsk.
